
СЛУЧАЙ С АКАДЕМИЕЙ — ЧТО НУЖНО РЕФОРМИРОВАТЬ?

М.В. Рац

Институт развития им. Г.П. Щедровицкого,

С.И. Котельников

НИИ культурологии Минкультуры РФ

Аннотация: *Центральной проблемой статьи является реформа РАН. Авторы отмечают, что сфера науки в России требует реформирования, однако принятой обществом и властью методологии реформ у нас нет. В то же время авторы ставят вопрос, как надо проводить реформу РАН во избежание работы науки вхолостую.*

Ключевые слова: *реформа РАН, реформы в сфере науки, методология реформ, наука и власть.*

Прошлый раз («НГ-наука» от 11.09.13), приступая к обсуждению реформы РАН, мы начали с так называемой социальной инженерии, с вопроса о том, как вообще следовало бы проводить реформы с учетом современного состояния научной мысли. Картина оказалась не-веселой, поскольку более или менее принятой обществом и властью методологии реформ у нас нет, хуже того — такая методология даже не обсуждается. В результате реформы осуществляются как начальству угодно.

Объект продолжает спать

Точный диагноз происходящему еще в прошлом году коротко и ясно поставил известный психолог, профессор Дмитрий Леонтьев, отвечая на вопрос, в чем он видит смысл реформы РАН: «Субъект уснул, разжалован в объект»!!! Но самое удивительное, что и будучи разжалованной в объект, РАН продолжает спать: реформой академики недовольны, но при множестве выступлений никаких принципиальных контрпредложений ни общество, ни государство от них так и не дождались.

На наш взгляд, это бесспорный аргумент в пользу того, что сфера науки в России требует реформ. Однако реформ совсем иного рода, чем затеянная в прошлом году. При этом наряду с общим вопросом о методологии реформирования, который мы обсуждали в прошлый раз, возникает второй, не менее важный вопрос — о специфике реформируемой системы. Понятно, что одно дело реформировать вооруженные силы (или пенсионную систему), а совсем другое — Академию наук.

Обратимся теперь к этой второй стороне дела, к вопросам об объекте реформирования и о содержании предполагаемой реформы. Попробуем расширить обсуждаемый круг идей и воспользуемся для этого ходом, намеченным в упомянутой статье. А именно — переведем разговор в жанр научной фантастики.

Допустим, работа РАН неэффективна. Но как в данном случае измеряется эффективность, какой «отдачи» следует ждать от науки? Для ученого продуктом его работы являются только и исключительно новые знания. На оценку эффективности в этом смысле направлены известные показатели типа импакт-фактора или индекса Хирша. И, может быть, ученые не так уж заблуждаются, приводя выкладки, согласно которым выход новых знаний на каждый вложенный рубль в РАН едва ли не выше, чем в самых передовых странах. Но связаны ли такие показатели с желаемой государством отдачей от науки?

Вопреки бытующим представлениям наука непосредственно, сама по себе, в принципе никакой прибыли принести не может.

Здесь все сложнее: государство и бизнес вкладывают деньги в науку, а в обмен получают «всего лишь» новые знания. Эти новые знания вкладываются в народное хозяйство, причем в самом широком, почти метафорическом смысле, включая не только бизнес, но и системы государственного правления, народного образования, культуры. И отдача измеряется не деньгами, а переменами в системе правления и хозяйствования, в культуре страны. В конечном счете эти объемлющие науку и использующие научные знания системы работают более эффективно: страна развивается.

Предположим на минутку, что Академия наук обеспечила переход страны на модель инновационного развития. Сколько государство согласилось бы заплатить за такую работу? И как бы измеряло полученную «отдачу», индексом Хирша?! Но эта логика для нас как раз из области научной фантастики: наши власти безо всякой науки знают, как править страной и народным хозяйством.

Как ни прискорбно, но нашему государству научные знания не нужны, даже если они касаются политики и государственного управления (об этом дальше). Поэтому мы имеем то, что имеем, в том числе и в Академии наук.

Тем не менее воспользуемся фантазией и посмотрим, как «по уму» должна была бы работать вся эта сложнейшая система. Иными словами, что должна была бы отвечать на реформаторские инициативы власти идеальная Академия наук: не та, которая у нас сформировалась исторически, но и не та, которую хочет видеть на ее месте государство.

Объект реформирования

Итак, если рассматривать идеальную АН как машину по производству научных знаний, то с государственной точки зрения претензии по части отдачи от научных исследований надо предъявлять не столько ей, сколько системам употребления научных знаний. Но как у нас обстоит дело с этими системами употребления: мы их досконально изучили, знаем все траектории движения научных идей в обществе и государстве? Это один вопрос. И второй: а как обстоит дело с научной политикой: может быть, государство ориентирует усилия ученых не в ту сторону, где на самом деле нужны новые знания? Не требует ли для начала научного обеспечения сама политика государства в сфере науки?

Однако такое расширение рамок, на наш взгляд, совершенно необходимое, делает поле потенциального реформирования практически необозримым. Иными словами, здесь-то и нужны фундаментальные исследования, которыми призвана заниматься РАН, а развернувшись в связи с реформой дискуссии нужно было бы продолжать и углублять.

Между тем важнейшее направление дальнейших размышлений подсказывает проблема «внедрения» результатов научных исследований, на протяжении многих десятилетий не теря-

ющая в нашей стране актуальности. Грубо говоря, наука работает у нас вхолостую, и ответ на вопрос, в какой мере ее можно в этом винить или это скорее ее беда, — вовсе не очевиден.

Заметим, что в советские времена многие думали, что все дело в плановом хозяйстве. Но теперь выяснилось, что «переход к рынку» мало что здесь изменил. Ныне «невосприимчивость» нашего хозяйства к инновациям объясняется пресловутой нефтяной иглой. Но мы считаем, что «сидение на игле» и «невосприимчивость» — последствия одной общей причины. Это господствующая у нас властная система правления, упомянутая уже вертикаль власти, подменяющая современную систему управления, удушающая на корню всякую инициативу снизу, всякое предпринимательское начинание. Она, между прочим, и демонстрирует свой метод работы в ходе реформирования РАН.

Как тут не процитировать в очередной раз Александра Герцена, еще полтора века назад писавшего, что самодержавие несовместимо с современной (середины позапрошлого века!) цивилизацией. Вот эту систему нужно прежде всего реформировать, если мы хотим, чтобы отечественные научные разработки не оставались на бумаге или не находили себе применение преимущественно за рубежом.

Но это легко сказать, а как сделать — никому неизвестно. Поэтому здесь мы видим направление работы, которое могло бы стать важнейшим для идеальной Академии наук на ближайшие годы. Такая, скажем, рокировка: не власть должна Академию наук реформировать, а идеальная Академия должна помочь власти реформироваться самой. Академия наук, раз уж у нас сложилась такая система организации научно-исследовательских работ (НИР), могла бы стать распределенной фабрикой мысли для нашей страны.

Из этих фантазий следует, между прочим, вполне практический вывод. Объекты реформирования — впрочем, как и других преобразований — как правило, не даны нам готовыми. Их приходится каждый раз выстраивать заново, начиная со сложного ситуационного анализа. Вот и в данном случае, реформируя «отдельно взятую» РАН, мы рискуем попасть пальцем в небо. Может быть, для начала лучше было бы реформировать упомянутые системы: разработки научной, а заодно инновационной политики и употребления научных знаний? Хотя при ближайшем рассмотрении может оказаться, что таких систем у нас вовсе нет и их строить надо.

Понятно, что ответы на такого рода вопросы требуют вовсе не создания очередного ведомства (вроде ФАНО) и не объединения трех академий, а коренной переориентации научных исследований. Мы много чего знаем про элементарные частицы или про двойные звезды, а научную политику в собственной стране формируем на ощупь, методом проб и ошибок. Количество ошибок при этом зашкаливает.

Огрубляя до предела, скажем так. Зачем нам, например, нанотехнологии, которые мы скорее всего не сможем внедрить в производство? Не разумнее ли начать с другого конца и направить усилия именно на разрешение извечной проблемы внедрения?

Наша мысль проста для понимания, но трудна для реализации. Жизнь в современном обществе устроена так, что непрерывно порождает всякие новшества. Но жизнь в России устроена так, что в большинстве своем они погибают в младенчестве. И почему-то им плохо помогают разные бизнес-инкубаторы и технологические теплицы. Почему? Мы объясняем это тем, что новшества не живут в атмосфере, лишенной кислорода, а кислородом для них является свобода, «открытый доступ» к предпринимательской деятельности, если воспользоваться терминологией Дугласа Норта с соавторами.

Между прочим, книгу Норта [Норт и др. 2011] в Институте Гайдара оперативно перевели и издали по-русски. Но интересно, многие ли ее прочли в Миннауки? А если прочли, то какие выводы для себя сделали?

Направление реформ

Конечно, выработка направлений главного удара в науке — важнейшая задача, которая может решаться только во взаимодействии Академии наук с государством и обществом. Неудобно напоминать хрестоматийные истины, но приходится. Наука, как, впрочем, и любая другая сфера деятельности, развивается под влиянием разных сил: внутренних (у нее есть свои законы развития, кстати, еще плохо изученные) и внешних, оформляемых в виде социального заказа.

Однако такое взаимодействие требует прежде всего равноправия сторон; в условиях же господства вертикали власти необходимая здесь острая дискуссия вырождается в ритуальный обмен монологами, «театральный диалог», как называл такую форму общения Михаил Бахтин.

Президент страны говорит о том, о чем душа наболела: про науку о жизни, про Север, про оборону... А президент РАН, вместо того чтобы сформулировать свою собственную позицию, говорит: да, конечно, будем ориентироваться на ваши идеи. Так работает система поручений, заменяющая у нас, повторим, систему управления. Если вспомнить расхожую максиму, можно спросить: какая же истина может родиться в таком «споре»? А если вспомнить про сократический диалог: какие же новые идеи могут родиться в таком «диалоге»?

Если уж фантазировать, то, может, лучше нам заняться не абстрактной наукой о жизни, а наукой о жизни нашего общества? Ничего же не изменилось со времен Юрия Андропова, еще в СССР заметившего, что мы не знаем общества, в котором живем. Может, лучше заняться не Севером, а Югом, где на Кавказе власти уже два десятка лет безуспешно борются с терроризмом? И посягнем на святое, может, и оборона от внешнего врага не так уж актуальна? Что-то не видно желающих на нас нападать. Может, лучше заняться инфраструктурой — она и при обороне пригодится. И чем при решении всех этих вопросов может помочь наука: математическим моделированием, только и всего? Хилая же у нас наука! Но это все вопросы в пользу бедных. С властью в России не спорят, на то она и власть.

Вот, однако, другое возможное направление научной мысли — формы организации научно-исследовательских коллективов. Привычная для нас форма НИИ хороша в условиях относительной стабильности фронта научных разработок, характерных для прошлых времен, сейчас — при изучении астрофизических проблем или физики элементарных частиц. Здесь можно и нужно годами и десятилетиями долбить в одну точку, добиваясь нужного результата. Но чем ближе к практике и чем ближе к нашему динамичному времени, тем менее эффективной оказывается такая форма организации.

В современном глобальном и конкурентном мире практические задачи, в том числе требующие научного обеспечения, меняются очень быстро. Конкурентоспособность определяется способностью меняться быстрее конкурентов. В этих условиях более эффективной оказывается организация временных (под проект) исследовательских групп.

Полезными могут оказаться и промежуточные формы, издавна практиковавшиеся в проектных институтах. Когда из сотрудников специализированных отделов под руководством главных инженеров и главных архитекторов проектов (ГИПов и ГАПов) создавались группы, работавшие по конкретным объектам? Сюда же примыкает вопрос о формах совместной организации исследований в системе РАН и университетах, о котором писал М.А. Ильгамов [см. «НГ-наука» от 12.09.13].

Содержание реформы

Поскольку воображаемую идеальную Академию наук реформировать не надо, то, переходя к содержанию реформы, придется вернуться к реальной РАН, удерживая при этом идеал в качестве путеводной звезды.

Чем наш идеал отличается от реальности? Вот это, между прочим, тот вопрос, с которого надо было бы начинать всю эпопею. Не с законопроекта, а с вопроса о том, какой мы хотим видеть РАН в результате реформ. Только ведь его пока никто так и не поставил и у нас нет на него готового ответа. А соображения, которые есть, состоят в том, что это должен быть не объект, а субъект, которого соответственно нельзя построить привычными методами социальной инженерии, как ФАНО, а можно только вырастить. И не в качестве подразделения Министерства образования и науки, а в качестве его полноправного партнера, если надо, то и оппонента.

Если при этом нужно сослаться на опыт развитых стран, то, говоря о западных университетах, которые предлагаются нам в качестве примера, мы бы первым делом обратили внимание на их радикальное отличие от наших — на автономию. В этом плане наше предложение диаметрально противоположно направлению идущей реформы. Мы-то предлагаем существенно расширить те зачатки автономии РАН, которыми она обладала даже в советские времена. Заодно бы и ответственность появилась не только перед наукой, но и перед страной.

А вот основное назначение этого субъекта мы бы не меняли: он призван производить новые знания. Только диапазон этих знаний требует, на наш взгляд, расширения и смены приоритетов с учетом интересов страны и государства. Правда, последние видятся всеми по-разному.

Здесь находится вторая (после вопроса об автономии) развилка, где намечаемый нами путь реформ расходится с фактически осуществляемым. Для начала скажем, что мы считаем путь инновационного развития безальтернативным для России, его-то и призвана обеспечивать знаниями Академия наук. Вопрос в том, какие знания нужны для этого в первую очередь. И здесь придется учитывать, что инновационная деятельность оказывается при ближайшем рассмотрении альтернативой привычному «внедрению». (Об этом в «НГ-науке» писалось не раз.) А потому требует принципиально иных знаний и иных порождающих их научно-исследовательских работ (НИР), чем привычные для нас и доминирующие в РАН с советских времен.

А именно, если говорить предельно лапидарно, в первую очередь нам нужны исследования не разного рода «объектов», не важно, принадлежащих к первой или второй природе, идеальных или материальных (так называемые НИР-1), а «живого» человеческого мышления и деятельности (НИР-2). Тем более что вторые неизмеримо дешевле первых и для реализации этой идеи нужны не столько деньги, сколько понимание сути дела и политическая воля. Сокращать объемы НИР-1 для этого вовсе не требуется.

В первом приближении, если оставаться в рамках привычной классификации наук, речь идет о смене приоритетов и переносе акцента в научной политике с традиционных естественно-научных исследований на исследования социально-гуманитарного плана. (Вообще-то, НИР-2 и социально-гуманитарные науки — не синонимы, но это тема специального разговора.) Между прочим, наиболее проницательные ученые, как Дж. П. Томсон или К. Леви-Стросс говорили об этом достаточно давно, имея в виду культурно-историческую ситуацию в цивилизованном мире, а отнюдь не текущие дела в России.

Мы полагаем, что это далеко не случайно. В истории человеческого рода можно выделить два больших этапа. На первом люди были озабочены удовлетворением физиологических потребностей и поддержанием своего существования в природе, «завоеванием природы». С помощью науки и техники это дело худо-бедно сделано (как минимум применительно к «золотому миллиарду») и продолжает делаться: миллиард быстро перерастает рамки миллиарда, охватывая и часть населения России.

Но при этом на нынешнем, втором этапе становления цивилизации первостепенное значение приобрели проблемы человеческого общежития, которые ныне и определяют жизнь человечества в первую очередь. Из чего, в частности, следует, что в наше время ведущая роль

должна принадлежать НИР-2, существующим пока в форме социогуманитарных наук, которые в этом своем качестве явно к такой роли не готовы.

Это, так сказать, прагматическая аргументация в пользу «гуманитарного поворота». Читателям, которые интересуются этой темой более основательно, рекомендуем статью коллектива авторов из разных стран, опубликованную в последнем номере альманаха «Наука. Инновации. Образование» [Коршунова и др. 2013]. И напомним, что содержание социогуманитарного знания/образования мы видим совсем иным, чем бытующее у нас в настоящее время.

* * *

Но спустимся с неба на грешную землю. Наши фантазии непосредственно имеют смысл только в более или менее далекой перспективе. Однако мысли, на которые они наводят, имеют, кажется, прямое отношение к реальности сегодняшнего дня. Мы же видим свою задачу не в проповеди неизвестных (и нам тоже) истин, а именно в том, чтобы разбудить спящую мысль.

Норт Д., Уоллис Д., Вайнгаст Б. 2011. *Насилие и социальные порядки*. — М.

Коршунова Н.Л., Котельников С.И., Литвинов В.П., Матьяш О.И., Рац М.В. 2013. *Научно-технологическая политика и комплексные проблемы развития науки. Наука. Инновации. Образование — вып 14*.